

Змеи, пиявки и медведи

Вдоль реки тянулись густейшие заросли, и воды за ними было не видно. Листья на кустах были узкие и жёсткие, такими легко порезаться, вдобавок, под ними скрывались колючки. Руки и ноги у Люды с Дашей были уже в царапинах. Стояла жара; с реки слышались голоса. Люда попыталась раздвинуть ветки, это не удалось, тогда она легла на живот и проползла у корней по земле. Даша ныла сзади:

- Ну, ты даёшь! Я, может, тоже хочу посмотреть, кто там...

Прямо перед Людой купалась в реке семья: папа, мама и четверо детей. Старшие мальчик и девочка были её ровесниками или чуть старше, и ещё одни мальчик с девочкой были, должно быть, моложе Даши. Младшие дети норовили уплыть на глубину, папа окликал их, а старшие легко переплывали неширокую реку туда и назад.

Хуже всех плавала мама. Младшая дочь плюхалась перед ней на живот и кричала:

- Мама, а ты вот так, вот так!

Люда уже увидела, что на маме были нелепые спортивные трусы с лампасами и верх купальника не подходил к ним. Почему-то ей требовалось искать в купающихся людях плохое. Иначе просто невыносимо было смотреть, как нежно папа поддерживает маму и как брызгает в них вон та малявка.

"А дома они все дерутся! - думала про детей Люда. - Четверо, все против всех... Это сейчас на реке всем воды хватает..."

- И мяч они ловить не умеют, - как будто вторя Людиным мыслям, пробормотала Даша.

Она тоже проползла под колючими ветками.

У купальщиков был сине-бело-оранжевый надувной мяч. Младший мальчик пытался плавать, обняв его, но мяч выскользнул; старший брат поддавал по нему и мяч плюхался возле берега, не отбитый никем. Течение сносило его назад, к середине, там кто-то его, так и быть, ловил, и про него опять забывали. Он им не нужен был, чтоб было весело. "Толстая тётка, толстая, разъелась, - повторяла Люда, представляя, как её мама скривилась бы, глядя на купающуюся женщину.

Хотелось есть. Но возвращаться было ещё рано. Люда с мамой гостили у родни в большом сельском доме. Воду здесь набирали в колодце и грели на плите огромными вёдрами, и женщины только и знали, что чистить рыбу и нарезать овощи, и мыть какую-нибудь зелень для супа. А после еды долго-долго мыли посуду. Люда боялась, что и её станут заставлять помогать. Она и в городе-то ненавидела мыть посуду, а здесь всё было гораздо хуже: руки надо было опускать в таз, где плавали остатки еды, и водить там в воде по тарелкам осклизлой тряпочкой.

Но оказалось, все взрослые были довольны тем, что она стала дружить с двоюродной сестрой Дашей, на два года младше. Дашина мама говорила: "Наконец-то я могу выпустить Дашку со двора", и Люда была рада, что от неё ничего больше не требовалось.

Дашу привозили в село каждый год; её мама знала, где ближние магазины и как затопить печь в летней кухне, а Даша знала про местных детей, кого как зовут и где кого можно встретить. Она всегда старалась провести Люду в обход каких-нибудь скамеек на улице и мимо спортивной площадки. Ещё с прошлых лет она была в ссоре с местными, и стоило им с Людой появиться, как им начинали свистеть или кричали слова, которые Люда бы ни за что не повторила, а чаще окликали их противными голосками: "Катенька! Светик! Леночка!" - точно пытаясь угадать их имена, и смеялись. Было не понять, на что здесь обижаться, и всё равно было обидно.

Волей-неволей они должны были уходить за село, в заросли вдоль реки - туда, где никого из местных не встретишь.

Ноги зудели от колючек, хотелось домой - но только если бы дома было как-нибудь по-другому. Взрослые сейчас, должно быть, домывают посуду, что-нибудь выясняя между собой. Мама кричит: "Я тебе говорю, этого не было!" - а тётя Саша уличает её: "Как - не было? Я же говорю, это было!", или наоборот, сама доказывает, что чего-то не было. У них тоже давняя ссора, как у Дашки с местными детьми.

Даша ныла:

- Куда ты затащила меня, а вдруг здесь хищники? Сейчас как медведь за ноги схватит! А то ещё змеи в траве, а мы лежим...

Если бы не Даша, то Люда, может быть, играла бы с местными в волейбол, а по вечерам все бы рассказывали страшные истории. Но получалось, что так никогда не будет. И теперь она разглядывала людей в реке и думала про старшую девочку: "Её тоже заставляют за малышнёй следить! И ей скучно!"

Прямо перед ней было шумное, искрящееся, как вода в реке, счастье.

- Ты знаешь их? - спросила она у Даши почему-то охрипшим голосом, и та сказала:

- Откуда? Видишь, они с того берега. У них и одежда на том берегу. Только мяч...

Сине-бело-оранжевый мяч, забытый, качался среди водной травы, совсем близко.

Даша вдруг поползла вперёд, змейкой извиваясь среди колючек. Люда увидела, как она по пути сломала одну из веток, та хрустнула, но купальщики ничего не услышали.

"Зачем она, что будет делать?" - думала Люда.

Не поднимаясь на ноги, Даша схватила прибившийся к берегу мяч - и в ту же секунду проколола его острой веткой, и воздух стал выходить наружу, так громко, что Даша, кажется, сама испугалась. Она бросила сдутый мяч назад в реку, вскочила, уже не таясь, в полный рост и закричала:

- Бежим!

Но кусты не отпускали её от воды. Она заметалась перед ними, и тут же снова упала на землю и двинулась под колючками по-пластунски, и потом у неё платье оказалось порвано на спине. Люде надо было задом отползать на тропу. Она подумала, что сейчас намертво застрянет среди веток. И тогда чужие отец с матерью поймут её!

Люда уперлась локтями в землю и рванулась, царапая живот...

Не верилось, что они с Дашей опять на тропинке, и можно встать на ноги и бежать со всех ног. Они мчались так, точно за ними гнались медведи и змеи, и страшно было думать, кто ещё гнался.

- Они видели нас? - едва отдышавшись, спросила Люда.

- Меня точно видели, - выдохнула Даша.

И тут же в её глазах блеснула радость:

- Им так надо. В реке, между прочим, пиявки есть! Уж к одному кому-нибудь точно присосалась...

Люда не знала ничего про эти места, и она вполне верила Даше, что здесь есть и медведи, и змеи, и пиявки. "А что они..." - бормотала Даша. Дальше шло неразборчивое, но Люде не нужно было ничего объяснять. И правда - а что они? Люда знала, что сама никогда не будет купаться в заросшей реке с мамой и с папой, а если и будет - то присутствие родителей будет ее тяготить. У неё нет родной сестры и двух братьев, а если с взять с собой Дашу, да и кого угодно, то всё равно будет не так. Зачем должна быть на свете чья-то звенящая, дразнящая радость, если сама ты так радоваться не сможешь?

- Ничего, мы завтра за реку пойдём, - точно утешая её, пообещала Даша. - Не всё же эти гусята гуськом ходят, с мамочкой-папочкой! Можно подкараулить, когда они будут одни, и наподдать...

Люда секунду смотрела на двоюродную сестру. Получалось, что завтра им опять будет - вот как сейчас. И они будут нарочно разыскивать этих, младших, брата с сестрой, потому что всё так и есть, абсолютно точно - им с Дашей сейчас плохо, а этим малышам хорошо! Те, кому плохо, скучно, невыносимо - станут бить тех, кому хорошо. Люду охватил ужас: вот уже она должна будет специально делать что-то как человек, которому плохо.

Она повернулась и кинулась бежать от сестры. Дашка кричала ей в спину:

- Куда рванула, совсем того, да? Как я одна по деревне пойду?

Людина мама неумело несла ведро грязной воды, чтоб вылить ее в огороде в яму. Из ведра плескало маме на тапочки.

Люда кинулась маме наперерез:

- Уедем отсюда, пожалуйста! Прямо сейчас! Я больше не могу здесь!

Мама поставила на дорожку ведро и вдруг обняла её. Сказала чуть виновато:

- Я думала, тебе хорошо, ты отдыхаешь... И я хотела, чтобы мы как-нибудь с тобой...

Думала сказать бабушке и тёте Саше, чтобы не рассчитывали в какой-то день на меня, мы с тобой не будем обедать... Мы бы пообедали в придорожном кафе, возле бензозаправки. Я бы хотела, чтоб мы с тобой сходили на реку, на целый день.

Мама наклонилась к Люде, попросила:

- Может быть, завтра, а? И послезавтра тогда уедем?

Она говорила невероятно устало и грустно. Люда прошептала в ответ:

- Там пиявки... В воде...

Больше всего хотелось, чтоб мама стала ей возражать, что никаких пиявок нет или что пиявки - это совсем не страшно. Подумаешь! И что не страшно, если к кому-то из хороших людей всё-таки присосалась пиявка. Но мама только обнимала её.

Люда заглядывала маме в лицо и спрашивала с надеждой:

- Это же ничего, что там пиявки? Ведь ничего?